

24 ФЕВ 1980

наши публикации

К. ВИНОГРАДСКАЯ

ЧЕЛОВЕК ДЛЯ ЛЕГЕНДЫ

В издательстве «Искусство» готовится к печати сборник избранных произведений кинодраматурга К. Н. Виноградской, известной по картинам «Обломки империи», «Партийный билет», «Член правительства». Отрывок, который мы публикуем, входит в ее «Запорожский дневник». Катерина Николаевна вела его в 1947—1948 гг., работая над сценарием о восстановлении Запорожстали.

В этом дневнике Виноградская описывает встречи с М. Недужко, о котором Леонид Ильич Брежнев тепло вспоминает в своей книге «Возрождение».

...Он вышел и стоит под сильным светом боковой лампы над трибуной. В чем-то синем, тонкий, с живым румяным лицом, черно-серебряной головой, такой живой и милый, такой великолепный всей своей жизнью, что зал вздрагивает, как перенапряженный, перекаленный ток провод. Я то же самое испытываю. Захватывающий интерес вызывает каждое слово этого человека, да и говорит он не как другие. Он не щеголяет афоризмами, не делает заявки на личность, не рисуется. Однако он резко выделяется среди всех. Строительство — его бессмертие и торжество над физической природой. Ни капельки надрыда или трагизма. Он живет, живет полной жизнью, красиво живет... Он смертельно болен, но выходит на работу. Он хорошо шутит, откликается на любое проявление жизни. В него безгранично верят лихие люди из гордого племени верхолазов, привыкших к отчаянному труду, большим заработкам, аристократия своеобразная, соколы строек. Они идут к Марку Ивановичу, не глядя ни на что. А попав к нему, видят, что он так именно прекрасен, как они мечтали, но одним лихачеством и гордостью с ним многого не добудешь. Гармоничный человек, Недужко ценит наравне отвагу и специализацию, дерзость и терпение, хороший разговор за кружкой пива и умение забыть про обед и сон на любой срок. Недужко талантлив. Это всякому ясно. Но этого мало, чтобы так тихо слушал его зал. Это романтический герой. Может быть, впоследствии о нем пойдут легенды, как о Котовском. Удивительно он стоит: стройно, как на коне, и предельно просто. Я пыталась записать целиком его речь, но не успевала.

Вот фрагменты его выступления. Недужко:

— Два дня назад в обкоме было совещание с начальниками участков. Сегодня собрался актив. Положение очень серьезное. У меня вчера был буквально такой разговор. На дому пришел товарищ Дымшиц. И спрашивает:

- Товарищ Недужко, когда же будут пояса?
- Завтра.
- Когда?
- Завтра.
- Когда?
- Ну, 23 апреля.
- Апреля?
- Апреля.
- 1948 года?
- 1948 года.
- Не верю.

Сегодня пояса поставлены.

Дымшиц (из президиума): Принимаю свою ошибку. Это очень приятная ошибка.

— Здесь на меня жалуются,— продолжает Недужко,— и доля правды есть. Будут еще выступать «обиженные». Почему вы думаете, что я такой добрый дядя, что буду всем помощь оказывать? Без взаимопомощи жить нельзя, но не надо прятаться за чужой спиной — не выйдет. И впредь! — он делает сильное ударение,— сделать надо так, чтобы мы ни за кого не могли прятаться.

И ушел без аплодисментов. Я угадываю самый стиль партийного выступления, партийной реакции коллектива... Аплодисменты — как официальный ответ. Аплодисменты — актеру. А своему человеку приличествует внимать в молчании. Так я это понимаю.

Рабочие страшно боялись Недужко. И также страшно его любили. «Марко сказал» — это закон. Это не страх перед ним лично — это какой-то профессиональный стыд. Стыдно, если Марко увидит, что ты работаешь нехорошо, не стараешься. Здесь, очевидно, одновременно с трудом рождалась и развивалась трудовая мораль, не доступная никому другому обществу, кроме общества, строящего коммунизм. Требовательность Недужко воспринималась ревниво, с волнением, раскаянием, любовью...

Недужко меня удивил.

Говорю ему: «Вы живете от других людей отлично. У вас крупные задачи, одна за другой. Вот бензопровод через пески Красноводска. Вот провод Астрахань — Саратов. Вот провод через Ладогу. Вот телескопическая стойка и подъем Запорожстали. Вот первая сварная домна. И еще лежит одна, которую поднимаете своим новым методом. Это, Марк Иванович, как писатели один от другого разнятся. Один пишет рассказы, очерки. Другой — романы. Оба они писатели, но как разнятся их труд. Тыся-

чи героев романа — и рассказ, очерк, может быть, включающий один случай...

На это он встал, недослушал и ушел.

Второго мая обещалась к Недужко. Как быть? Может, лучше к Марии? Стучат. Это она, Мария. Маленькая, жилистая, черноволосая, с воловьим оком, наполненным коричневым огнем, большеротая, ласковая и откровенная. Прежде — парторг листопрокатного Мария Крегель. Говорит:

— Со мной Марко Иванович, по коридору ходит.

Послала ее за ним.

— А я не хотела к вам сегодня идти, Марк Иванович

— Почему?

— Да была собой недовольна, как мы говорили в парткабинете. Казалось, что вы не хотите говорить. И ушли так вдруг.

Он как вскрикнет, рубанув рукой:

— Вы не художник!

Объяснил: он ушел так, чтобы не расплакаться. Он со слезами боролся тогда...

Итак, опять мы сидим с Марко Ивановичем. Разговор явно не клеится. Он отвечает на вопросы, но не рассказывает. Это трудно. Я вижу, что ему не хватает мужской компании, где его увлек бы разговор. Вообще, он привык к мужской компании. Коскак из него выткнулось немножко фактов. Но, к сожалению, только фактов.

Вытянула вопросами, что везде с ним его люди, человек 200. В строительстве провода по дну Ладоги участвовало до 5 тысяч человек. В гостинице (Октябрьской), где они жили, официантки и уборщицы — дистрофики. Недужко их кормил и поправлял привезенным с Большой земли продовольствием.

Марко Иванович начал звать меня к себе. Я отказывалась, но он с такой простотой и таким недоумением слушал мои возражения, что я сдалась.

Ну, пришли. У него большая квартира, балкон его комнаты выходит как раз на тот простор и столбы высоковольтной передачи, которые мне кажутся таким характерным для Запорожья и красивым местом. Его комната — комната всегда бывшего в бедности человека. В ней все чисто, стоит цветок, кровать белым накрыта, письменный стол, где под стеклом фотографии подымаемой в разных стадиях трубы. Папки какие-то. Книжки об американских станках. Над диваном картинка из истории СССР. Такие же картинка, очевидно, любимые, лежат среди личных фотографий. Он гладит и перебирает страницы этой истории.

Много снимков Недужко. Вот его обнимает министр Юдин. Вот Дымшиц осторожно косится вверх, а Недужко с поднятыми руками описывает — «как это будет». У меня вдруг загорелось желание.

— Марко Иванович, а можно мне одну фотографию у вас взять?

— Любую,— говорит он спокойно.

И вот тут я почувствовала просто мучение. Все, что происходило дальше, казалось мне какой-то передачей жизни. Недужко, я верю, дал бы мне любую фотографию. Он улыбался доброй ласковой улыбкой, и со всей своей возвышенной простотой ничего особенного не рассказывал, но готов был ответить на любой вопрос. Мы явно сдружились. Он... будто сдавал прожитую жизнь. Он ни словом не давал понять это. Но потом, у Крегель, и она, и муж ее сказали, что он говорил сегодня утром: «Если бы кто знал, как я болен». А жена говорит, что он все примеряется: «После домны, если дотяну. После последнего пояса, если дотяну...»

После фотографий — достал красную папку.

— Это что?

— Це генеральские дела.

Вижу подшитые исторические документы. Приказы Ленинградского фронта, вынесенные благодарности Ленинградским Военным советом. Вырезка из «Правды» о награждении за особые заслуги, оказанные обороне города Ленинграда. И там среди людей, просто названных по имени, отчеству, и фамилия-имя Недужко и нескольких его «хлопцев». Приказы, пропуски, поздравительные телеграммы наркоматов. За досрочное выполнение, достигнутое применением стахановских методов труда. И в ящичке стола — красные коробочки. Их много. Все пустые. А в одной сложены красиво блестящие орденна. Орден Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

— А вот мои лучшие ордена,— показывает он.

Темные коробочки, внутри красный, выгоревший от времени плюш. В него крепко ввинчены маленькие, тоже темные значки: «Отличнику нефтеснабжения», «Отличнику...»

Это настоящие трудовые скромные ордена. Недаром их ценит Недужко. Они никому не видны. Но в этих маленьких эмалевых картинках он, очевидно, видит то, что заставило его заплакать в парткабинете. Это жизнь.

Публикацию подготовила Л. ЯГУНКОВА.